

УДК 130.2:82:27

ББК 83.3(2)53:87.3(2)522

Александр Леонидович Рычков

Союз философов «Вольная философская ассоциация», директор по науке, Россия, Сатка, e-mail: vp102243@list.ru

Александр Блок между Вл. Соловьёвым и Е.В. Аничковым: драма А. Блока «Роза и Крест» и наследие западного эзотеризма

*Статья третья**

Аннотация. В третьей статье цикла, посвященного теме «А. Блок и Вл. Соловьёв», рассмотрена репрезентация наследия западного эзотеризма в драме А. Блока «Роза и Крест» на примере обращения поэта к темам иоахимизма и катаризма, в т.ч. неомифологической связи катаров с легендой о Св. Граале. Анализируется влияние на символизм драмы историософии Вл. Соловьёва и эстетики Е.В. Аничкова в ракурсе переосмысления этих тем. Показано, что драма Блока глубоко переплетается с неомифологическими концептами «французской школы» западного эзотеризма, широко обсуждавшимися в кругу русских символистов, например, в связи с творчеством Сара Пеладана. Делается вывод о влиянии на символизм драмы работ Вл. Соловьёва и убеждений Е.В. Аничкова, связанных со средневековым мистицизмом. Приведена обширная библиография.

Ключевые слова: драма «Роза и Крест», научное наследие Е.В. Аничкова, русский символизм, эсхатология французского Средневековья, религиозная философия, историософия Вл. Соловьёва, иоахимизм, западный эзотеризм

Aleksandr Leonidovich Rychkov

Union of Philosophers “Free Philosophical Association” (“VOLFIKA”), Science Director, Russia, Satka, e-mail: vp102243@list.ru

Alexander Blok between Vl. Solovyev and E.V. Anichkov: A. Blok’s drama “The Rose and the Cross” and the legacy of Western esotericism

Article three

Abstract. In the third article of the series publications on the topic “A. Blok and Vl. Solovyov”, the author considers the representation of the heritage of Western esotericism in Blok’s drama “The Rose and the Cross” on the example of the poet’s appeal to the themes of Joachimism and Catharism, including the neo-mythological connection of the Cathars with the legend of the Holy Grail. The author analyzes the influence of V.V. Solovyov’s historiosophy and E.V. Anichkov’s aesthetics on the symbolism of the drama from the perspective of rethinking these themes. It is shown that the drama of Blok is deeply

* Статья вторая – см. Соловьёвские исследования. Выпуск 3(67) 2020. С. 107–120.

intertwined with the neo-mythological concepts of the "French school" of Western esotericism, which were widely discussed in the circle of Russian symbolists, for example, in connection with the work of Sar Peladan. The conclusion is made about the influence on the symbolism of the drama of the works of V. Solovyov and the beliefs of E. V. Anichkov associated with medieval mysticism. An extensive bibliography is provided.

Key words: drama "The Rose and the Cross", academic heritage of E.V. Anichkov, Russian symbolism, eschatology of the Middle Ages in France, religious philosophy, Vl. Solovyev's historiosophy, Joachimism, Albigenian crusade, Western esotericism

DOI: 10.17588/2076-9210.2021.1.095-111

*Драма «Роза и Крест» в контексте учения Иоахима Флорского
и предреформаторских религиозно-мистических движений его времени*

Несомненно, что Блоку был знаком, по крайней мере с университетских времен, *il calabrese abbate Joacchino di spirito profetico dottato* – «Вещий Иоахим, который был в Калабрии аббатом» (Данте. Рай, XII, 140)¹. Так, в библиотеке Блока сохранилась книга видного немецкого специалиста по истории Реформации Фридриха фон Бецоляда «История реформации в Германии» (Т. 1)², где, по наблюдению Т.В. Игошевой: «...на странице 12 и далее <...> говорится о "произведениях калабрийского аббата Иоахима, возвещавшего ни что иное, как коренную революцию, уничтожение испорченной церкви и идеально монашеский век святого духа"»³. Было показано, что пометы Блока в этой книге свидетельствуют о его интересе к иоахимитскому и альбигойскому движениям, как отражающим эту «коренную революцию» в «испорченной церкви»⁴. Относительно иоахимизма Блок подчеркивает в книге Бецоляда (там же, на с. 130) мысль о том, что основания религиозных взглядов апокалиптического движения XIV в. находились в «иоахимитских представлениях о наступающем веке святого Духа и победоносной борьбе избранных с антихристом»⁵. Однако следует согласиться с выводами Т.В. Игошевой о том, что актуализированная Вл. Соловьевым и Мережковским идея Иоахима Флорского «очень скоро <...> становится общим достоянием русских символистов <...> Наиболее важным и первостепенным источником, под влиянием которого Блок оформлял свои предчувствия грядущего человека, были не рассуждения Мережковского (уст-

¹ Данте Алигьери. Божественная комедия / пер. М. Лозинского. М., 1967. С. 367 [1].

² Бецольд Ф. История реформации в Германии: в 2 т. Т. 1: пер. с нем. СПб. [2] (см.: Библиотека А.А. Блока. Описание: в 3 кн. Л., 1984. Кн. 1. С. 40–69 [3]).

³ См.: Игошева Т.В. Ранняя лирика А.А. Блока (1898–1904): поэтика религиозного символизма. М., 2013. С. 168 [4].

⁴ Комментированное описание тематических помет в книге Бецоляда см.: Рычков А.Л. Исторический и религиозный фон драмы «Роза и Крест» в университетском круге общения и чтения А. Блока // Шахматовский вестник. Вып. 14. М., 2017. С. 55–56 [5].

⁵ Там же. С. 55.

ные или письменные), не сочинения Иоахима Флорского, а работы Вл. Соловьева» [4, с. 168]. В действительности, несмотря на близкий кризисному мироощущению Серебряного века визионерский апокалиптизм Иоахима Флорского, житнетворческое значение для Блока имела лишь софийная версия тринитарной метафизики, переосмысленная в трудах Вл. Соловьева, которая в последнее время становится предметом все более пристального внимания исследователей⁶. Таким образом, правильное говорить об опосредованной рецепции Блоком идей Иоахима через историософские представления Вл. Соловьева и знакомство с неохристианским учением в его иоахимовской транскрипции Д.С. Мережковского о Третьем Завете и софийной (= Святого Духа) эпохе Иоанна⁷.

Именно в «соловьевском» видении предсказанной Иоахимом приближающейся «иоанновой эпохи» Св. Духа как софийной – истолковывали С. Соловьев и А. Белый стихи Блока «Я их хранил в приделе Иоанна...» (1902)⁸. Можно предполагать, что, сопоставляя со своею современностью другую кризисную эпоху, в которой альбигойское столкновение с католичеством уготовляло новый религиозно-философский этап протестантской Реформации христианства, Блок усматривает параллели в ревизии исторического христианства в эпоху Серебряного века и исканиях «нового человека», особо значимых в мировоззрении поэта⁹. В этом сопоставлении он исходил из тринитарной исто-

⁶ Обзор и библиографию вопроса см.: Рычков А.Л. Владимир Соловьев и антихристы Иоахима Флорского // Соловьевские исследования. 2018. Вып. 3 (59). С. 6–42 [6].

⁷ См. дневниковую запись Блока от 11 сент. 1918 г.: «...родство с мыслью о плененной Мировой Душе (Святой Дух Оригена), которую лелеял последний – Вл. Соловьев (см. IX, 19 и многие другие места)» (см.: Блок А.А. Дневники // Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. М., 1963. С. 347 [7]. Согласно комментарию Т.В. Игошевой), «...“Святой Дух Оригена” <...> отсылка к соловьевской статье о Мировой Душе для энциклопедии Брокгауза и Ефрона, которая заканчивается строками: “Так как здесь Мировая Душа обозначается как третья начальная ипостась всего существующего, то некоторые церковные писатели (особенно Ориген и его последователи) ошибочно отождествляли ее с третьим лицом Св. Троицы” <...> Блок вслед за последователями Оригена склонен был отождествлять Мировую Душу со святым Духом <...> Блоку было свойственно сближать собственно христианскую идею Святого Духа с платоновской идеей Мировой Души» [4, с. 78–79]. Таким образом, для Блока учение аббата Иоахима о третьем состоянии Святого Духа и Вл. Соловьева о третьей духовной эпохе Софии имели один и тот же духовный смысл.

⁸ См. об этом, напр.: Белый А. Собрание сочинений. Воспоминания о Блоке. М., 1995. С. 59, 79, 121–122 [8]. По критическому свидетельству А. Белого, для Блока периода написания этого стихотворения «Иисус – <...> не Логос Иоанна: <...> А.А. вкладывает логическое начало мира в Софию» (там же. С. 39). В стихотворении Блока, написанном от имени «рыцаря придела Иоаннова» (там же. С. 79, 417, 428 и др.), придел ап. Иоанна переосмысливается в софийном ключе согласно иоахимитской аналогии «эпохи Иоанна» как эпохи Св. Духа, почерпнутой Вл. Соловьевым, и удивительным образом перекликается с символикой «третьего придела» в ранних стихах самого Вл. Соловьева, которая иллюстрирует связь идей философа о Софии с тринитарной историософией и (в ракурсе «Третьего Завета») связана с особым поклонением третьей ипостаси, Св. Духу, (см. об этом: Соловьев Вл. Наброски стихотворений и лекций конца 1870 – начала 1880 годов из папки «Бог есть всё» // Соловьевские исследования. 2020. Вып. 1 (65). С. 18–22 [9]).

⁹ По заключению В.Н. Быстрова, необходимо учитывать, что «идея Преображения мира» и «нового человека» «была не менее, а может быть, и более значима для Блока, чем идея “пути”»

риософии Вл. Соловьёва о приближении нового «иоаннова» времени софийного Святого Духа, перекликающейся с учением Иоахима Флорского¹⁰ и частично опиравшейся на идейное наследие последователей калабрийского аббата.

Рассмотрению воплощения воспринятой через Соловьёва тринитарной историософии Иоахима Флорского в «подспудном смысле» религиозно-исторического фона драмы «Роза и Крест» (далее – *PK*) мы уделили внимание в отдельной работе¹¹. Новым фактом, подтверждающим правомерность такого подхода, вероятно, можно считать мнение «научного консультанта» *PK* Е.В. Аничкова о соловьёвском контексте интереса Блока к средневековому мистицизму¹². Для Аничкова *PK*, в духе представлений Вл. Соловьёва «об упадке средневекового миросозерцания», возрождает прерванную линию мистицизма Средневековья¹³.

Необходимо отметить и убежденность Аничкова в иоахимитском символизме цикла «Ланселот-Грааль», из которого Блок заимствовал многочислен-

(см.: Быстров В.Н. Между утопией и трагедией: Идея Преображения мира у русских символистов. М., 2012. С. 43 [10]).

¹⁰ Переключка историософской концепции Третьего завета у Иоахима Флорского и Вл. Соловьёва показана в диссертации иеромонаха Лаврентия (Собко), выводы которого иллюстрируют задачи нашего исследования применительно к Блоку: «Оба мыслителя современную им историю описывают как переходный этап к эпохе третьего завета, эпохе Святого Духа. По убеждению обоих, главный субъект нарождающейся эпохи – особые люди: носители *intelligentia spiritualis* <...> их образ жизни есть <...> утверждение приоритета внутренней духовности над практическими достижениями предыдущей христианской эпохи. Такие люди, с точки зрения мыслителей, становятся главной преобразующей силой истории» [11, с. 14]. По нашему мнению, это убеждение нашло отражение в образе Гаэтана, которого Блок определяет в драме как *instrumentum Dei*. Само именование Гаэтана «Рыцарь-Грядущее» в ранних версиях пьесы является, по нашему мнению, аллюзией на блоковский образ Вл. Соловьёва, воспринятый поэтом в контексте его тринитарной историософии (т.е. как образ рыцаря-монаха из наступающей эпохи Третьего Завета – в учении Иоахима действительно принадлежащей сословию монахов) (см. об этом подробно: Рычков А.Л. «Рыцарь-монах» и «Рыцарь-странник»: Вл. Соловьёв и драма А. Блока «Роза и Крест» // Соловьёвские исследования. 2013. Вып. 4 (40). С. 173–185 [12]).

¹¹ См. главу «Историософия Иоахима Флорского и альбигойский контекст драмы» в цитированной выше работе (см.: Рычков А.Л. Исторический и религиозный фон драмы «Роза и Крест» в университетском круте общения и чтения А. Блока. С. 36–48). Вопрос о рецепции и осмыслении младосимволизмом соловьёвской триадологии в мифопоэтических и диахронических категориях, соединяющих прошлое и будущее с современностью, впервые поставила З.Г. Минц, по заключению которой: «Соловьёвский миф о становлении мира определил и ряд существенных поэтических представлений русского символизма: <...> эсхатологические чаяния и надежды на “новый век”. <...> Организация мифологического нарратива подчиняется и соловьёвскому представлению о триадичности (трехэтапности) всякого развития <...> Эта концепция движения сосуществует и сложно соотносится у символистов, по сути, с глубоко отличной от нее идеей триадического развития мира (по В. Соловьёву)» (см.: Минц З.Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Блоковский сборник III. Тарту, 1979. С. 86, 88 [13]).

¹² См. об этом: Рычков А.Л. Александр Блок между Аничковым и «Евгением Васильевичем»: Статья вторая // Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 3 (67). С. 107–120 [14].

¹³ Там же. С. 114–115.

ные образы и мотивы в начальный период работы над сюжетом и текстом *PK*¹⁴. В многочисленных публикациях 1920–1930-х гг. о катаро-иоахимитском ракурсе легенды о Св. Граале Аничков привлекает идеи Иоахима Флорского, во многом перекликающиеся с историософией Вл. Соловьева, переработавшего их в контексте современности¹⁵. Более того, Аничков рассматривает учение Иоахима именно в ракурсе соловьевской эстетики и историософии. Например, уделяет особое внимание малосущественному в учении Иоахима предсказанию в «Книге Соответствий» о роли восточного христианства в становлении эпохи Святого Духа, которое, однако, служит для Соловьева основанием мессианистических представлений об особом призвании России в эсхатологическом движении мирового процесса к Вечному Завету вселенского общества. В статье о рыцаре Галааде Аничков пишет в этой связи:

«Иоахим Флорский проповедовал третье состояние (*status*) христианства <...> Это состояние является царством Святого Духа, тогда как два предыдущих принадлежали Богу Отцу и Иисусу Христу. Новое состояние предстает также эрой св. Иоанна <...> Но не из Рима грядет возрождение Христианства. Оно придет именно с христианского Востока, где, невзирая на великий раскол, сохранилась более чистая вера» [16].

Несомненно, что и «рыцарь придела Иоанна» (как называл Блока в воспоминаниях о нем А. Белый), и Аничков разделяли соловьевскую историософию Третьего Завета, являясь выразителями той хилиастической традиции модернистской религиозной мифологии Серебряного века (тринитарной историософии «нового религиозного сознания» русского символизма), которую впоследствии Аничков, Вяч. Иванов и Мережковский попытались, каждый по-своему, интегрировать через свое творчество «в принципиально иной культурный контекст Европы межвоенного периода», как отметил В.В. Полонский на примере «позднего Мережковского» в монографии «Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX – начала XX века»¹⁶. Исследователь назвал Иоахима Флорского «идейным “пращуром” русского писателя», а попытки такой интеграции оценил как «интересный социокультурный феномен», который нуждается «во всестороннем обстоятельном исследовании»¹⁷.

В столь же всестороннем исследовании нуждается опосредованное Блоком через интуиции Вл. Соловьева и влияние Е.В. Аничкова отражение в драме

¹⁴ См. об этом подробнее: Рычков А.Л. К франкоязычным источникам мистериального сюжета драмы «Роза и Крест» (романный цикл «Ланселот Озерный») // Александр Блок: Исследования и материалы. СПб., 2020. Т. 6. С. 188–216 [15].

¹⁵ См. об этом подробнее: Рычков А.Л. Владимир Соловьев и антихристы Иоахима Флорского. 2018. Вып. 3 (59). С. 6–42.

¹⁶ Полонский В.В. Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX – начала XX в. М., 2008. С. 226 [17].

¹⁷ Там же. С. 147, 226.

«Роза и Крест» ряда специфических черт средневековых мистико-религиозных движений, в т.ч. спиритуалистических представлений о трех эпохах и неомифологической связи катаров с легендой о Св. Граале, хорошо известных в символистском кругу и парамасонских обществах того времени. Остановимся на этом вопросе подробнее.

Блок и Аничков-посвященный

Можно предполагать, что встречи и консультации Блока с Аничковым, как и сходство их отношений к соловьевскому учению о средневековье, во многом предопределили представления Блока не только о фольклорном, но и о религиозно-историческом фоне драмы. При этом необходимо иметь в виду, что исследовательский выбор и пропаганда Аничковым ряда вопросов средневековой культуры¹⁸ были связаны с его масонскими убеждениями. Определяя участие Аничкова в работе Блока над *РК*, следует учитывать эту двойственность его статуса, на которую обращают все большее внимание современные исследователи блоковской драмы. Наиболее емко вопрос о двойственном участии в консультировании Блока Аничковым – как ученого и как посвященного масона – формулирует Л. Силард: «Роль Е.В. Аничкова была определяющей для Блока вследствие его профессиональных знаний в области романской филологии, мифопоэтики и фольклора, а также истинной погруженности в культуру Лангедока и Прованса, о чем свидетельствуют записи самого Блока. Другое, о чем ни Жирмунский, ни записи Блока почти не свидетельствуют, но что не трудно реконструировать, – это посвященность Е.В. Аничкова в эзотерические проблемы “Розы и Креста”, поскольку Аничков был активным масонским деятелем, прекрасно сведущим также в истории розенкрейцерства» [18, с. 34]¹⁹.

Действительно, Аничков являлся одним из инициаторов возрождения масонства в России. Он член-основатель московской ложи «Возрождение» Великого Востока Франции (ВВФ) (с 1907) и белградской ложи «Максим Ковалевский» (1926), названной именем близкого товарища, приведшего его в масонство (через ложу «Космос» ВВФ в 1905 г., где в 1906 г. Аничков был возведен в 3^о мастера). В Петербурге Аничков состоял членом ложи ВВФ «Полярная звезда» (1907–1909). После раскола русского масонства он присоединился к дистанционировавшейся группе М.М. Ковалевского. В эмиграции Аничков был аф-

¹⁸ Например, катаро-манихейская тема, которую Аничков после возвращения из Парижа привлекал в своих выступлениях и работах к месту и не к месту, поскольку был убежден в живучести традиций манихейства в Европе. Можно уверенно предполагать, что и тема легенды о Св. Граале, которой Аничков посвятил более десятка своих работ, волновала его и как ученого, продолжающего «граалеведческие» работы своего учителя, и как «посвященного» масона, поскольку со времен В. фон Эшенбаха история Грааля связывается с «рыцарями Иерусалимского Храма», тамплиерами и является важным элементом масонского мифа (храм Соломона – центральный символ масонства).

¹⁹ Об аспектах этого влияния см. также: Игошева Т.В. Ранняя лирика А.А. Блока (1898–1904): поэтика религиозного символизма. С. 36–46, 63–64.

филирован в парижскую ложу ВВФ «Братство народов» (с 1918), а после окончательного переезда в Белград присоединился к ложе «Слога, Рад и Постоянство» («Дружба, Труд и Постоянство», с 1924)²⁰.

По свидетельствам современников, Аничков не скрывал своего масонства. Так, М. Кузмин вспоминает о своей давней попытке вступить в масонство через посредничество Аничкова: «...я масонами интересовался, а одно время даже конкретно отыскивал кого-нибудь, кто мог бы меня туда ввести. Попал я на добрейшего Евг. Вас. Аничкова; этот знающий, но легкомысленный и наивный человек, так ясно всем намекал, что он масон, что я сказал ему прямо о своем желании» [21, с. 110]²¹.

Работы Аничкова о рецепции идей катаризма и иоахимизма легендой о Святом Граале в цикле «Ланселот-Грааль» продолжают и развивают исследования А.Н. Веселовского. Однако его «заветный» интерес к теме был несомненно также связан с символистскими взглядами и «масонским ученичеством», поскольку в инициатических ритуалах Древнего и Принятого Шотландского Устава важную роль играет символизм рыцарского поиска и самого Грааля: в работавшую именно по этому уставу парижскую ложу «Космос» Аничков вошел в 1905 г. Аничков полагал, что масонство сохранило символическое понимание древних ритуалов и легенд, прямо или косвенно обращаясь к этим представлениям в целом ряде своих работ. Так, в очерке «Западная литература и славянство» (Кн. 2, 1926) из идейных достижений «двух самых западных стран, Англии и Франции», которые к XVIII в. «вкрутились во все роды литературы» и стали «первым комом» экспансии на восток западных культурно-исторических течений, Аничков выделяет масонство как «особое возрождение <...> которому суждено было стать важным вкладом в Просвещение»²². По убеждению Аничкова, через «влияние масонства на литературные события, особенно на востоке Европы, на Руси» в литературу и общественную жизнь входят «ритуалы и символы, восходящие к далекой древности. В этом смысле настало их возрождение»²³.

²⁰ Фактологическая сторона «масонского ученичества» Аничкова от Парижа до Белграда (1905–1935 гг.) исследована в ряде статей польского историка Л. Хасса (см., напр.: Hass L. The Russian Masonic Movement in the Years 1906–1918 // Acta Poloniae Historica. 1983. Vol. 48. P. 104–107 [19]), а также подробно описана российским историком масонства А.И. Серковым, в особенности см.: Серков А.И. История русского масонства XX века: в 3 т. Т. 1. СПб., 2009. (Индекс) [20]).

²¹ Комментарии к свидетельству см.: Серков А.И. История русского масонства XX века: в 3 т. Т. 1. С. 172.

²² См.: Аничков Е.В. Западные литературы и славянство. Новые сношения. XVI–XVIII вв. Прага, 1926. Кн. 2. С. 257 [22]. Судя по ряду очевидных для исследователей масонства признаков, в этих очерках Аничков опирается на свои масонские доклады, что свидетельствует об окончательном сближении научных и эзотерических интересов мыслителя в этот период. Такое сближение возможно объясняет дальнейший выбор Аничковым катаро-иоахимитского ракурса исследований легенды о Св. Граале в качестве предмета своей научной деятельности как профессора средневековой французской литературы на последующее десятилетие.

²³ См.: Аничков Е.В. Западные литературы и славянство. С. 266, 261.

Таким образом, Аничков косвенно связывает специфическое символическое мировоззрение масонства с литературным символизмом. Это означает, что багаж парижских «*Impressions maçonniques*» («масонских впечатлений») Е.В. Аничкова несомненно должен быть учтен исследователями при оценке вопроса «Блок и Аничков», в особенности в ракурсе связанных с масонским мифом взглядов последнего на события средневековой истории, непосредственно описываемые Блоком в *РК*. Тема эта предполагает специальное рассмотрение. Однако мы можем отметить ряд модных в начале XX века во французских парамасонских кругах идей из открытых источников, которые близки к обсуждаемой теме. Так, в романах французского писателя-символиста и критика, мартиниста Жозефа («Сара») Пеладана (1858–1918), который известен также своей попыткой возрождения ордена розенкрейцеров²⁴, производится, в частности, объединение символики эмблемы Розы и Креста с Граалем, возрождение иоахимитской историософии, а также оригинальное истолкование «альбигойского» символизма легенды о «Парсифале» (в рецепции Вагнера): Монсежур, как обитель Св. Грааля, и есть вагнеровский Монсальват, утверждал Пеладан²⁵. В своей рецензии 1906 г. на книгу Пеладана «От Парсифаля до Дон-Кихота: секрет трубадуров» (Paris, 1906) М. Волошин дает следующую характеристику взглядов автора (отметим, что со слов о Прекрасной Даме эту характеристику можно применить и к образу Гаэтана в *РК*):

«Ж. Пеладан <...> делает смелый опыт проследить историю развития этой тайной доктрины средневекового искусства через все ее этапы: от легенды о рыцарях св. Грааля, воплощенной французским рыцарем Гюгом де Пайеном в ордене Тамплиеров, и от “Радостной Науки” трубадуров до социальных требований франк-масонских корпораций <...> “*La gaea scienza*” трубадуров – это мистическая сторона христианства, осужденная католической церковью. <...> “Прекрасная Дама” трубадуров – это всегда мистическая доктрина. Трубадуры исчезают вместе с истреблением альбигойцев. Во время борьбы они все на стороне альбигойцев. <...> Трубадуры были мистическими революционерами, боровшимися с официальным католичеством...» [23, с. 625–630].

Известно, что М.А. Волошин был посвящен в масоны в том же 1905 г., когда и Е.В. Аничков, в парижской ложе «Труд и Истинные Верные Друзья» (*Travail et Vrais Amis Fidèles n° 137*) Великой Ложи Франции (ВЛФ). Идейным руководителем ложи, в которую вступил Волошин и где, в итоге, получил па-

²⁴ Сперва как сооснователь «Каббалистического Ордена Розы и Креста», а затем отдельного – под названием «Католический Розенкрейцерский Орден Храма Грааля», главой которого он стал.

²⁵ «Художественная литература и история в этом отношении отвечают друг другу необыкновенным параллелизмом: разве в ордене Храма не исполняется орден Грааля, и не имеет ли Монсальват настоящее имя – Монсежур?» (Péladan J. *Le Secret des troubadours. De Parsifal à Don Quichotte*. Paris, 1906. P. 46 [24]).

тент Мастера, был Освальд Вирт²⁶: известная фигура французского эзотеризма, автор книг по герметическому символизму (повлиявших на воззрения Волошина) и новым канонам ученичества, в период парижского масонства Волошина занимавший некоторое время пост генерального секретаря ВЛФ (1908). Однако ранее О. Вирт совместно с философом-мистиком С. де Гуайта и тем же Ж. Пеладаном выступил сооснователем «Каббалистического Ордена Розы и Креста». Как мы видим, в то время грань между регулярным масонством и парамасонскими движениями была зыбкой на уровне их ведущих представителей, а очерченный Пеладаном круг идей был хорошо известен по обе стороны этой грани. И те же, обсужденные выше, средневековые темы, к которым обращался Пеладан, со временем становятся предметом рассмотрения в работах Е.В. Аничкова: по всей видимости, как своеобразной попытки примирения и соединения эзотерической и научной школ в актуализации своего мировоззрения.

Исследователями ранее отмечалось, что «народнические идеи “шестидесятников” и какие-то постулаты марксизма в мировоззрении Е.В. Аничкова уживались с масонством»²⁷. Своеобразное пояснение этой особенности натуры Аничкова мы находим в характеристике, которую Вяч. Иванов дает своему единомышленнику в проекте статьи об Аничкове для словаря С.А. Венгерова: «Интеллектуальный облик А<ничкова> характеризуется своеобразным совпадением общественных и теоретических интересов, придающим его многосторонности внутреннее единство и приводящим все его искания в тесную связь с жизнью <...> [Аничков] не может успокоиться на научных схемах, не внося в них живой задушевности и какой-то лирической безудержности, – на позитивизме, не спасаясь от него, чрез формулы имманентизма, к какому-то религиозному синтезу своего эволюционного мирозерцания; <...> этот реалист естественно становится “реалистическим символистом”» [26, с. 194–195].

Таким образом, взгляд через «масонскую призму» позволяет рассмотреть возможные неявные и обусловленные отмеченным синкретическим мировоззрением Аничкова приоритеты в выборе тем исследования, которые далее он как ученый проводил со всей скрупулезностью и вниманием к разнообразным источникам, свойственным школе А.Н. Веселовского. Данный ракурс также контурнее очерчивает источники и контекст представлений западного эзотеризма, широко обсуждавшихся в околосимволистских кругах, в том числе с участием Аничкова. В свою очередь, этот контекст частично объясняет сходство тем «инициатического сюжета» *PK* с научными и мировоззренческими интересами Аничкова, относящимися к проблематике альбигойского влияния

²⁶ О. Вирт (Oswald Wirth, 1860–1943) – автор обновленного ритуала для ученика и уставов регулярного масонства, основатель и редактор посвященного обновлению масонства в символическом понимании своих ритуалов журнала *Le Symbolisme* (1912–1971 гг.), член Верховного Совета французского Древнего и Принятого Шотландского Устава (AASR). Сохранилась переписка Волошина с О. Виртом (готовится автором к публикации).

²⁷ См.: Иванова Т.Г. Русская фольклористика начала XX века в биографических очерках: Е.В. Аничков (и др.). СПб., 1993. С. 13 [25].

на формирование легенды о Св. Граале²⁸. С обозначенной сферой интересов Аничкова совпадает одна из глубоких символических тем драмы Блока – альбигойцы-«кафары», угрожающие из Монсегиора «квадратным людям» в соседнем замке Арчимбаута, а параллели главных героев драмы с персонажами легенды о Св. Граале в настоящее время могут быть убедительно прослежены²⁹. Все это позволяет по-новому взглянуть на дискурс общения Блока с Аничковым вне традиционно рассматриваемых в связи с созданием *PK* записей его научной консультации у Аничкова.

Александр Блок между Вл. Соловьёвым и Е.В. Аничковым

В заключение необходимо отметить, что внимание Блока к истории альбигойского крестового похода возникло уже на самых первых подступах к проекту пьесы (тогда еще балетного либретто), до майской консультации у Аничкова. В марте 1912 г. Блок покупает и к концу апреля прочитывает³⁰ провансальский роман XIII века *Flamenca* в комментированном переводе Поля Мейера, где отмечает знаком «NB» отсылку к описанию обряде *consolamentum* у катаров и литературе о них³¹. Немного ранее, 28 февраля 1912 г., Блок приобретает «Dictionnaire universel d'histoire et de géographie [Универсальный словарь по истории и географии]» (Paris, 1884) М.Н. Буйе³², по которому изучает, а затем тщательно выверяет используемые исторические детали времен альбигойского крестового похода. Позднее, уже в имении Шахматово, Блок более обстоятельно восстанавливает историческую картину начала альбигойского крестового похода и делает тематические выписки в рабочую тетрадь по драме *PK* из трудов немецких историков Ф.К. Шлоссера

²⁸ Эта проблематика нашла обширное отражение в итоговой монографии «Joachim de Flores et les milieux Courtois» (Roma, 1931) и целом ряде работ Аничкова эмигрантского периода. В них Аничков последовательно развивает взгляды А.Н. Веселовского, сформулированные в магистерской диссертации 1872 г. Poleмический тезис этих работ Аничкова состоял в том, что именно через движение альбигойцев заимствованные ими через павликиан и манихеев раннехристианские апокрифические сказания были донесены и вновь привиты в средневековую куртуазную культуру, что нашло отражение и в становлении легенды о Св. Граале. Следуя за Веселовским, Аничков кратко формулирует этот тезис еще в 1894 г. – в статье для «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона» о теории литературных заимствований: «Много фантастических схем проникли в оборот европейских литератур из христианских апокрифов, когда, напр., они отвечали целям таких пропагандистов, как новоманихейские еретики, богомилы, патарены и альбигойцы. Византия была одним из передаточных пунктов в таком литературном общении...» [27, с. 144].

²⁹ Гипотезы об этих параллелях в этом году получили документальное подтверждение после публикации маргиналий А. Блока в романе «Ланселот Озерный» из средневекового цикла «Ланселот-Грааль», см. [15], а также: Рычков А.Л., Ефимова М.С. Описание помет и маргиналий Блока в издании П. Париса // Александр Блок: Исследования и материалы. СПб., 2020. Т. 6. С. 217–234 [28].

³⁰ См.: Жирмунский В.М. Драма Александра Блока «Роза и крест». Литературные источники // Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. М., 1977. С. 271 [29].

³¹ Публикацию этих помет см.: [15, с. 191–192].

³² См.: Библиотека А.А. Блока. Описание: в 3 кн. Кн. 3. Л., 1986. С. 39 [30].

и О. Йегера. Поскольку критическое издание этих выписок до настоящего времени отсутствует, оно представлено в Приложении 2 с факсимиле рукописи, конкордансом и комментариями.

Из рассмотренных в статьях и приложениях нашего цикла обращений Блока в драме *РК* к историко-культурным темам Средневековья, привлекавшим заинтересованное внимание Вл. Соловьева и Е.В. Аничкова, можно сделать вывод о том, что, как отмеченные И.С. Приходько нередкие беседы «на профессиональные и общечеловеческие темы в период создания драмы»³³, так и споры «как всегда, о славянстве, о “желтизне”, о религии» с «Евгением Васильевичем», упоминаемые в «Дневниках» А. Блока³⁴, несомненно обогащали источники³⁵ и оттачивали средневековую метафорику итогового текста драмы *РК*. Однако не оказали на нее, вне научной консультации Аничкова, какого-либо заметного «качественного» влияния, в том числе и потому, что, за исключением ритуальных таинств, внеакадемический багаж *impressions maçonniques* ученого и без того находил живую перекличку во внутрисимволистских спорах и исканиях того времени, живом интересе к посвятителю розенкрейцерской традиции. Так, внимание Блока к близким сердцу, а затем и научному перу Аничкова темам альбигойского движения и легенды о Св. Граале возникло уже на начальном этапе замысла, до его изложения ученому. Ставший источником мистериального сюжета драмы роман «Ланселот Озёрный» из средневекового цикла «Ланселот-Грааль» Блок приобретает и прочитывает на 2/3 с множеством заметок также до майской консультации с Аничковым³⁶, на которой делится с ученым своими замыслами о будущем сочинении. И наконец, «подспудно» заложенную в *РК* эсхатологию иоахимизма Блок неразрывно воспри-

³³ Приходько И.С. Мифопоэтика А. Блока: (Историко-культурный и мифологический комментарий к драмам и поэмам). Владимир, 1994. С. 48 [31].

³⁴ См.: Блок А.А. Дневники // Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. С. 96.

³⁵ Этот вопрос был подробно исследован В.М. Жирмунским в классической монографии по *РК* [29]. Добавим, что, помимо полученной от Аничкова литературы по средневековой тематике *РК* (см. там же, с. 392), Блок в апреле 1912 г. приобрел две книги академика Гастона Париса, у которого проходил стажировку в Париже и к которому в беседах, выступлениях и статьях часто апеллировал Аничков, что могло повлиять на выбор Блока. В книге Париса «La littérature française au Moyen Âge: XIe–XIVe siècle» (Средневековая французская литература XI–XIV вв.) «подчеркнутые или отмеченные на полях места очень многочисленны <...> особенно о Ланселоте, о Персевале и Граале» (там же, с. 264). Книга была продана наследниками Блока (там же, с. 396) и более подробное описание помет отсутствует. Однако необходимо отметить, что в изложении отмеченной Блоком легенды о Св. Граале Г. Парис прослеживает ее происхождение от апокрифического сказания об Иосифе Аримафейском, собравшем в чашу Грааля кровь из ран распятого Христа («Книгу Никодима» с переводом первоначального апокрифа Блок также приобретает, см.: [30, с. 231]), и в итоге главы приходит к заключению, несомненно, не обойденному вниманием Блока, что рассмотренный куртуазный миф: «привязан к тому времени, когда он более, чем когда-либо, приукрашивает “мечту о жизни, более соответствующей душе”, которая и называется поэзией» Paris G. La littérature française au Moyen Âge (XIe–XIVe siècle). 4th ed. Paris, 1909. P. 111 [32].

³⁶ См.: Рычков А.Л. К франкоязычным источникам мистериального сюжета драмы «Роза и Крест» (романный цикл «Ланселот Озерный») // Александр Блок: Исследования и материалы. С. 193, 196.

нимает и осознанно репрезентирует как элемент софийной историософии Вл. Соловьева, а не исследуемой Аничковым средневековой эстетики. Как было показано в первой статье нашего цикла³⁷, историософская канва драмы *PK*, включая роль катаров («кафаров»), исчерпывающе объясняется, исходя из взглядов Вл. Соловьева, а определенные параллели с иоакимитскими образами (рыцарь-монах, как представитель «третьей эпохи» и т.д.) появляются лишь в докладах-статьях А. Блока о самом Вл. Соловьеве.

Тем не менее, в заключительной статье цикла на примере Аничкова предпринята попытка очертить тот контекст идей западного эзотеризма, который был как предметом интересов ученого-масона, представлявшего школу А.Н. Веселовского, так и хорошо известен Блоку и другим русским символистам, а также в околосимволистском кругу. К примеру, о творчестве Пеладана, в том числе его видении Монсегюра как замка Св. Грааля, кроме «посвященного» в герметический символизм омонима М. Волошина, не раз писали Эллис, Брюсов и Вяч. Иванов³⁸. В своих мемуарах А. Белый свидетельствовал, что О.М. Соловьева, подруга и родственница матери Блока, «заинтересовала меня <...> Пеладаном...»³⁹. В свою очередь, А. Блок в письме Э.К. Метнеру от 22 июля 1912 г. провел смелые параллели между отношением Стриндберга к Сару Пеладану и А. Белого к Рудольфу Штейнеру⁴⁰. По нашему мнению, все это свидетельствует о том, что дополнительные эзотерические подтексты событий (в том числе, вокруг омонима «Монсегюр») альбигойского времени из средневекового сюжета драмы *PK*, всесторонне рассмотренные мыслителями французского «крыла» западного эзотеризма XIX – нач. XX вв., были не только известны и понятны Блоку, но и достаточно легко прочитывались кругом русских символистов, в мировоззренческом контексте исканий которых (в том числе, и мистических) видел в то время свои место и роль А. Блок⁴¹.

Благодаря вкратце очерченным нами символам и контекстам *PK*, также входившим в новаторский интертекст общеевропейского эзотерического дискурса начала XX в., драма Блока включается современными европейскими исследователями западного эзотеризма в число образчиков «подлинно эзотериче-

³⁷ См.: Рычков А.Л. «Рыцарь-монах» и «Рыцарь-странник»: Вл. Соловьев и драма А. Блока «Роза и Крест». С. 178–183.

³⁸ См., напр.: Иванов Вяч. [Рец.] Péladan. Sémiramis. Tragédie en quatre actes. Paris 1904. Mercure de France. 1 fr. // Весы. 1904. № 9. С. 54–55 [33].

³⁹ Белый А. На рубеже двух столетий. М., 1989. С. 353 [34].

⁴⁰ Неизданная переписка А. Блока и Э.К. Метнера / публ., предисл. и коммент. А.В. Лаврова // Александр Блок: Исследования и материалы. СПб., 1998. С. 203–205 [35]. Аналогия восходит к роману «Ад» А. Стриндберга, которым в то время был увлечен А. Блок, где Пеладану посвящены восторженные строки, опирающиеся на личный «посвятительный опыт» автора в Париже начала 1890-х гг.

⁴¹ См.: Рычков А.Л. Комментарии к докладу А. Блока «О современном состоянии русского символизма» // Литературные манифесты и декларации русского модернизма. СПб., 2017. С. 334–342 [36].

ских литературных произведений среди великих авторов» того времени, наряду с мистическими поэмами О. Милоша и У. Йейтса⁴². Символике западного эзотеризма в *PK* посвящены диссертации, специализированные статьи и монографии⁴³. Однако, несмотря на появление специальной дисциплины академической области исследования «западный эзотеризм», предлагающей легитимную методологию подобных контекстуальных исследований и нашедшей широкий отклик среди российских исследователей⁴⁴, эти смыслы во многом остались забытыми и неучтенными в современной отечественной интерпретации драмы «Роза и Крест».

Список литературы

1. Данте Алигьери. Божественная комедия / пер. М. Лозинского. М., 1967. 628 с.
2. Бецольд Ф. История реформации в Германии: в 2 т. Т. 1: пер. с нем. СПб., 1900. 534 с.
3. Библиотека А.А. Блока. Описание: в 3 кн. Кн. 1. Л., 1984. 317 с.
4. Игошева Т.В. Ранняя лирика А.А. Блока (1898–1904): поэтика религиозного символизма. М., 2013. 400 с.
5. Рычков А.Л. Исторический и религиозный фон драмы «Роза и Крест» в университетском круге общения и чтения А. Блока // Шахматовский вестник. Вып. 14. М., 2017. С. 29–66.
6. Рычков А.Л. Владимир Соловьев и антихристы Иоахима Флорского // Соловьевские исследования. 2018. Вып. 3(59). С. 6–42.
7. Блок А.А. Дневники // Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. М., 1963. С. 19–426.
8. Белый А. Собрание сочинений. Воспоминания о Блоке. М., 1995. 510 с.
9. Соловьев Вл. Наброски стихотворений и лекций конца 1870 – начала 1880 годов из папки «Бог есть всё» / подгот. к публ. и коммент. К.Ю. Бурмистровой, М.В. Максимова и А.Л. Рычкова // Соловьевские исследования. 2020. Вып. 1(65). С. 9–30.

⁴² См.: Faivre A. Western esotericism: a Concise History, transl. Ch. Rhone. Albany, NY, 2010. P. 104 [37].

⁴³ См., напр., изданную на основе диссертации монографию: Gharavi L. Western Esotericism in Russian Silver Age Drama: Aleksandr Blok's *The Rose and the Cross*. St. Paul, MN, 2008 [38]. См. так же двуязычную публикацию Л. Гарави: Гарави Л. «Может мелькнуть кому-нибудь сквозь мою тему – большее»: эзотеризм в драме Блока «Роза и Крест» / пер. с англ. // Шахматовский вестник. Вып. 14. М., 2017. С. 80–97 [39]. Здесь *PK* рассматривается как эзотерическая мистериальная драма и показывается, что «представление о течениях Западной эзотерической мысли, несомненно, помогает исследовать сложнейший, духовный пласт пьесы. Другими словами, Западный эзотеризм является одним из ключей к пониманию русской символистской драмы» (там же, с. 87). Об источниках мистериального сюжета *PK* см. работу И.С. Приходько: «В своем “тексте творчества” Блок создает, по сути дела, реально переживаемую им в “тексте жизни” *мистерию пути*, питающуюся, как и поэма Данте, исторической памятью о древних инициациях Именно через Данте, а также через знакомство с гностицизмом и с масонскими таинствами, прежде всего – розенкрейцеровскими, этот круг идей и представлений открылся Блоку» (Приходько И.С. А. Блок между христианством и гностицизмом // Шахматовский вестник. Солнечногорск, 1997. Вып. 7. С. 96–103 [40]). Обзор современных исследований о мистериальном сюжете *PK* см.: Рычков А.Л. К франкоязычным источникам мистериального сюжета драмы «Роза и Крест» (романный цикл «Ланселот Озерный») // Александр Блок: Исследования и материалы. С. 212–215.

⁴⁴ См. об этом: Рычков А.Л. Западный эзотеризм в России: выборочное историко-библиографическое приложение // Ханegraaf В. Западный эзотеризм: Путеводитель для запутавшихся / пер. с англ; науч. ред. и послесл. А.Л. Рычкова. М., 2016. С. 236–254 [41].

10. Быстров В.Н. Между утопией и трагедией: Идея Преображения мира у русских символистов. М., 2012. 384 с.
11. Собко Р.В. Историсофский хилиазм Иоахима Флорского и его рецепция в творчестве Владимира Соловьёва: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Н. Новгород, 2011. 26 с.
12. Рычков А.Л. «Рыцарь-монах» и «Рыцарь-странник»: Вл. Соловьёв и драма А. Блока «Роза и Крест» // Соловьёвские исследования. 2013. Вып. 4(40). С. 173–185.
13. Минц З.Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Блоковский сборник III. Тарту, 1979. С. 76–120.
14. Рычков А.Л. Александр Блок между Аничковым и «Евгением Васильевичем». Статья вторая // Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 3(67). С. 107–120.
15. Рычков А.Л. К франкоязычным источникам мистериального сюжета драмы «Роза и Крест» (романный цикл «Ланселот Озерный») // Александр Блок: Исследования и материалы. СПб., 2020. Т. 6. С. 188–216.
16. Anitchkof E. Le Galaad du Lancelot-Graal et les Galaads de la Bible // Romania. 1927. Vol. 53. P. 388–391.
17. Полонский В.В. Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX – начала XX в. М., 2008. 288 с.
18. Силард Л. «Роза и Крест» А. Блока: лирическая драма и/или мистерия посвящения? // Сюжетология и сюжетография. 2016. № 1. С. 32–57.
19. Nass L. The Russian Masonic Movement in the Years 1906–1918 // Acta Poloniae Historica. 1983. Vol. 48. P. 95–131.
20. Серков А.И. История русского масонства XX века: в 3 т. Т. 1. СПб., 2009. 264 с.
21. Кузмин М. Дневник 1934 года. СПб., 1998. 416 с.
22. Аничков Е.В. Западные литературы и славянство. Новые сношения. XVI–XVIII вв. Прага, 1926. Кн. 2. 288 с.
23. Волошин М.А. Тайная доктрина средневекового искусства // Волошин М.А. Собрание сочинений. В 12 т. Т. 5. М., 2007. С. 625–630.
24. Péladan J. Le Secret des troubadours. De Parsifal à Don Quichotte. Paris, 1906. 95 p.
25. Иванова Т.Г. Русская фольклористика начала XX века в биографических очерках: Е.В. Аничков (и др.). СПб., 1993.
26. Эльзон М.Д. (публ.). Неосуществленный замысел Вяч. Иванова // Русская литература. 1993. № 2. С. 193–195.
27. Аничков Е. Заимствования (литературные) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. Т. 12. СПб., 1894. С. 143–145.
28. Рычков А.Л., Ефимова М.С. Описание помет и маргиналий Блока в издании П. Париса // Александр Блок: Исследования и материалы. СПб., 2020. Т. 6. С. 217–234.
29. Жирмунский В.М. Драма Александра Блока «Роза и крест». Литературные источники // Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. М., 1977. С. 244–322.
30. Библиотека А.А. Блока. Описание: в 3 кн. Кн. 3. Л., 1986. 332 с.
31. Приходько И.С. Мифопоэтика А. Блока: (Историко-культурный и мифологический комментарий к драмам и поэмам). Владимир, 1994. 132 с.
32. Paris G. La littérature française au Moyen Âge (XIe–XIVe siècle). 4th ed. Paris, 1909. 348 p.
33. Иванов Вяч. [Рец. на:] Péladan. Sémiramis. Tragédie en quatre actes. Paris 1904. Mercure de France. 1 fr. // Весы. 1904. № 9. С. 54–55.
34. Белый А. На рубеже двух столетий. М., 1989. 543 с.
35. Неизданная переписка А. Блока и Э.К. Метнера / публ., предисл. и коммент. А.В. Лаврова // Александр Блок: Исследования и материалы. СПб., 1998. С. 195–223.

36. Рычков А.Л. Комментарии к докладу А. Блока «О современном состоянии русского символизма» // Литературные манифесты и декларации русского модернизма. СПб., 2017. С. 334–342.

37. Faivre A. *Western esotericism: a Concise History*. Albany, NY, 2010. 139 p.

38. Gharavi L. *Western Esotericism in Russian Silver Age Drama: Aleksandr Blok's 'The Rose and the Cross'*. St. Paul, MN, 2008. 194 p.

39. Гарави Л. «Может мелькнуть кому-нибудь сквозь мою тему – большее»: эзотеризм в драме Блока «Роза и Крест»: пер. с англ. // Шахматовский вестник. Вып. 14. М., 2017. С. 80–97.

40. Приходько И.С. А. Блок между христианством и гностицизмом // Шахматовский вестник. Солнечногорск, 1997. Вып. 7. С. 96–103.

41. Рычков А.Л. Западный эзотеризм в России: выборочное историко-библиографическое приложение // Ханеграаф В. Западный эзотеризм: Путеводитель для запутавшихся / пер. с англ.; науч. ред. и послесл. А.Л. Рычкова. М., 2016. С. 236–254.

References

1. Dante, Alig'eri. *Bozhestvennaya komediya* [Divine comedy]. Moscow, 1967. 628 p.
2. Betsol'd, F. *Istoriya reformatsii v Germanii v 2 t., t. 1* [Geschichte der deutschen Reformation in 2 vol., vol. 1]. Saint-Petersburg, 1900. 534 p.
3. *Biblioteka A.A. Bloka. Opisanie: v 3 kn., kn. 1* [The Library of A.A. Blok. Description: in 3 book, book 1]. Leningrad, 1984. 317 p.
4. Igosheva, T.V. *Rannyya lirika A.A. Bloka (1898–1904): poetika religioznogo simvolizma* [An early lyrics A.A. Blok (1898–1904). Poetics of religious symbolism]. Moscow, 2013. 400 p.
5. Rychkov, A.L. *Istoricheskiy i religioznyy fon dramy «Roza i Krest» v universitetskom kru-ge obshcheniya i chteniya A. Bloka* [The Historical and Religious background of “The Rose and the Cross” drama], in *Shakhmatovskiy vestnik*, issue 14. Moscow, 2017, pp. 29–66.
6. Rychkov, A.L. *Vladimir Solov'ev i antikhristy Ioakhima Florskogo* [Vladimir Solovyov and antichrist's of Joachim of Fiore], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2018, issue 3(59), pp. 6–42.
7. Blok, A.A. *Dnevniki* [Diaries], in Blok, A.A. *Sobranie sochineniy v 8 t., t. 7* [Collected works in 8 vol., vol. 7]. Moscow, 1963, pp. 19–426.
8. Belyy, A. *Sobranie sochineniy. Vospominaniya o Bloke* [Collected Works. Memories about Blok]. Moscow, 1995. 510 p.
9. Solov'ev, Vl. *Nabroski stikhotvoreniy i lektsiy kontsa 1870 – nachala 1880 godov iz papki «Bog est' vse»* [Verses and lectures from the folder “God is all”. Sketches and drafts (late 1870s – early 1880s)], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2020, issue 1(65), pp. 9–30.
10. Bystrov, V.N. *Mezhdru utopiey i tragediey: Ideya Preobrazheniya mira u russkikh simvolistov* [Between Utopia and Tragedy: The Idea of the Transformation of the World by Russian Symbolists]. Moscow, 2012. 384 p.
11. Sobko, R.V. *Istoriiosofskiy khiliazm Ioakhima Florskogo i ego retseptsiya v tvorchestve Vladimira Solov'eva*. Avtoref. diss. ... kand. filos. nauk [Chiliasm in Joachim of Fiore's Historiosophy and Its Reception in Vladimir Solovyov's Works. Abstr. cand. philos. sci. diss.]. Nizhniy Novgorod, 2011. 26 p.
12. Rychkov, A.L. «Rytsar'-monakh» i «Rytsar'-strannik»: Vl. Solov'ev i drama A. Bloka «Roza i Krest» [“Knight-monk” and “Knight-wanderer”: Vl. Solov'ev and A. Blok's drama “The Rose and the Cross”], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2013, issue 4(40), pp. 173–185.
13. Mints, Z.G. *O nekotorykh «neomifologicheskikh» tekstakh v tvorchestve russkikh simvolistov* [About Certain Neomithological Texts in Russian Symbolists' Works], in *Blokovskiy sbornik III*. Tartu, 1979, pp. 76–120.

14. Rychkov, A.L. Aleksandr Blok mezhdru Anichkovym i «Evgeniem Vasil'evichem». Stat'ya vtoraya [Alexander Blok between Anitchkov and "Yevgeny Vasilievich" (Article two)], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2020, issue 3(67), pp. 107–120.
15. Rychkov, A.L. K frankoyazychnym istochnikam misterial'nogo syuzheta dramy «Roza i Krest» (romannyi tsikl «Lanslot Ozernyy») [To the French-language sources of the mystery plot of the drama "The Rose and the Cross"(novel cycle "Lancelot of the Lake")], in *Aleksandr Blok: Issledovaniya i materialy* [Alexander Blok: Research and Materials]. Saint-Petersburg, 2020, vol. 6, pp. 188–216.
16. Anitchkof, E. Le Galaad du Lancelot-Graal et les Galaads de la Bible, in *Romania*, 1927, vol. 53, pp. 388–391.
17. Polonskiy, V.V. *Mifopoetika i dinamika zhanra v russkoy literature kontsa XIX – nachala XX v.* [The Mythopoetics and Genre Dynamics in Russian Literature of the Late 19th and Early 20th Centuries]. Moscow, 2008. 288 p.
18. Silard, L. «Roza i Krest» A. Bloka: liricheskaya drama i/ili misteriya posvyashcheniya? [“The Rose and The Cross” of Alexander Blok – the lyrical drama and/or initiation mystery?], in *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*, 2016, no. 1, pp. 32–57.
19. Hass, L. The Russian Masonic Movement in the Years 1906–1918, in *Acta Poloniae Historica*, 1983, vol. 48, pp. 95–131.
20. Serkov, A.I. *Istoriya russkogo masonstva XX veka v 3 t., t. 1* [History of Russian Freemasonry of the 20th century in 3 vol., vol. 1]. Saint-Petersburg, 2009. 264 p.
21. Kuzmin, M. *Dnevnik 1934 goda* [Diary of 1934]. Saint-Petersburg, 1998. 416 p.
22. Anichkov, E.V. *Zapadnye literatury i slavyanstvo. Novye snosheniya. XVI–XVIII vv.* [Western literature and Slavism. Essay 2: New relations of the XVI–XVIII centuries]. Prague, 1926. 288 p.
23. Voloshin, M.A. Taynaya doktrina srednevekovogo iskusstva [The secret doctrine of medieval art.], in Voloshin, M.A. *Sobranie sochineniy v 12 t., t. 5* [Collected works in 12 vol., vol. 5]. Moscow, 2007, pp. 625–630.
24. Péladan, J. *Le Secret des troubadours. De Parsifal à Don Quichotte*. Paris, 1906. 95 p.
25. Ivanova, T.G. Russkaya fol'kloristika nachala XX veka v biograficheskikh ocherkakh: E.V. Anichkov (i dr.) [Russian Folklore Studies in the Early Twentieth Century in Biographical Sketches: E.V. Anichkov (et al.)]. Saint-Petersburg, 1993. 200 p.
26. El'zon, M.D. (publ.). Neosushchestvlenyy zamysel Vyach. Ivanova [An Unrealized Plan of V. Ivanov], in *Russkaya literatura*, 1993, no. 2, pp. 193–195.
27. Anichkov, E. Zaimstvovaniya (literaturnye) [Literary borrowings], in *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona v 86 t., t. 12* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary in 86 vol., vol. 12]. Saint-Petersburg, 1894, pp. 143–145.
28. Rychkov, A.L., Efimova, M.S. Opisanie pomet i marginaliy Bloka v izdanii P. Parisa [Description of Blok's litters and marginals in the edition of P. Paris.], in *Aleksandr Blok: Issledovaniya i materialy* [Alexander Blok: Research and Materials]. Saint-Petersburg, 2020, vol. 6, pp. 217–234.
29. Zhirmunskiy, V.M. Drama Aleksandra Bloka «Roza i krest». Literaturnye istochniki [Block drama «The Rose and the Cross»: Literary sources], in Zhirmunskiy, V.M. *Teoriya literatury. Poetika. Stilistika* [Theory of Literature. Poetics. Stylistics]. Moscow, 1977, pp. 244–322.
30. *Biblioteka A.A. Bloka. Opisanie: v 3 kn., kn. 3* [The Library of A.A. Blok. Description: in 3 book, book 3]. Leningrad, 1986. 332 p.
31. Prikhod'ko, I.S. *Mifopoetika A. Bloka: (Istoriko-kul'turnyy i mifologicheskii kommentariy k dramam i poemam)* [Mythopoetics of Alexander Blok: Historical, Cultural and Mythological Comment on the Dramas and the Poems]. Vladimir, 1994. 132 p.
32. Paris, G. *La littérature française au Moyen Âge (XIe–XIVe siècle)*. 4th ed. Paris, 1909. 348 p.

33. Ivanov, Vyach. [Rets.] Péladan. Sémiramis. Tragédie en quatre actes. Paris 1904. Mercure de France. 1 fr., in *Vesy*, 1904, no. 9, pp. 54–55.
34. Belyy, A. *Na rubezhe dvukh stoletiy* [On the Border of Two Centuries]. Moscow, 1989. 543 p.
35. Neizdannaya perepiska A. Bloka i E.K. Metnera [A. Blok and E.K. Medtner: Unpublished Correspondence], in *Aleksandr Blok: Issledovaniya i materialy* [Alexander Blok: Research and Materials]. Saint-Petersburg, 1998, pp. 195–223.
36. Rychkov, A.L. Kommentarii k dokladu A. Bloka «O sovremennom sostoyanii russkogo simbolizma» [On Present State of Russian Simvolism. Comments to the report], in *Literaturnye manifesty i deklaratsii russkogo modernizma* [Literary Declarations and Statements of Russian Modernism]. Saint-Petersburg, 2017, pp. 334–342.
37. Faivre, A. *Western esotericism: a Concise History*. Albany, NY, 2010. 139 p.
38. Gharavi, L. *Western Esotericism in Russian Silver Age Drama: Aleksandr Blok's "The Rose and the Cross"*. St. Paul, MN, 2008. 194 p.
39. Gharavi, L. "Something greater" (Esotericism in *The Rose and the Cross*), in *Shakhmatovskiy vestnik*, issue 14. Moscow, 2017, pp. 80–97.
40. Prihod'ko, I.S. A. Blok mezhdru khristianstvom i gnostitsizmom [A. Blok between Christianity and Gnosticism], in *Shakhmatovskiy vestnik*, issue 7. Solnechnogorsk, 1997, pp. 96–103.
41. Rychkov, A.L. *Zapadnyy ezoterizm v Rossii: vyborochnoe istoriko-bibliograficheskoe prilozhenie* [Western esotericism in Russia: A selective historical and bibliographical supplement], in Khanegraaf, V. *Zapadnyy ezoterizm: Putevoditel' dlya zaputavshikhnya* [Western Esotericism: A Guide for the Perplexed]. Moscow, 2016, pp. 236–254.